

83.3(2=411.2)6

Р89

СА-368591

РОССИЯ в 1917 году

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ И ДОКУМЕНТАХ

В.В. Полонский

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТРАЖЕНИЯХ: ФОН И ПРЕДПОСЫЛКИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Революция 1917 года – ключевое событие в истории России. Россия же – страна литературоцентрическая. И потому вполне закономерно, что едва ли не основным органом осмысления этого рубежа, рефлексии над его природой и потенциалом стала литература. Наверное, не будет преувеличением сказать, что именно в зеркалах словесности порожденные революцией грандиозные тектонические сдвиги русской жизни обрели наиболее точные и объемные отражения, – отражения, подразумевающие и документальную точность фиксации явления, и, так сказать, «рентгеноскопию» – творческую, образную интроспекцию в его глубинную суть.

Сама природа революции как тотального катаклизма глубоко антиномична, поскольку она сопрягает катастрофизм крушения с энтузиастичностью всеохватного преобразования мира и человека, ощущение пассивной обреченности стихиям и пафос прометеевского дерзания.

Историко-культурный хронотоп русской революции – весь в поле парадокса. «Русь слиняла в два дня», – констатирует изнутри исторической бури В.В. Розанов [1, с. 55]. И какую бы интегральную метафору из того репертуара, что был предложен писателями эпохи («стихия» и «метель» А. Блока, Б. Пильняка и идеологов скифства, «пролом» Л. Леонова, «великая социальная хирургия» Б. Пастернака и т.п.), мы ни взяли на вооружение, она неизбежно будет свидетельствовать об обвале вековой гуманистической парадигмы отечественной культуры. Прежде всего той, что выросла в усадебно-дворянской среде постпетровской европеизации. Но внутри этой парадигмы изначально коренилась обреченность на срыв и крушение, и нельзя не согласиться с Г.А. Белой в том, что одной из ключевых на то причин была трагическая пропасть между «интеллигенцией» и «народом» [2, с. 21–41].

И «обвал в два дня» был все же далеко не случайным. Павшая жертвой революции гуманистическая русская культура классического типа на протяже-

Н.В. Корниенко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

«ВЕСЬ МИР НАСИЛЬЯ МЫ РАЗРОЕМ ДО ОСНОВАНЬЯ...»

**(НОВЫЙ ГИМН СТРАНЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОГО
РОМАНА ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ)**

Статья посвящена исследованию феномена революции 1917 г. в романе 1920–1930-х годов через анализ константного элемента – описания и интерпретации слов «Интернационала», гимна советской России в 1918–1943 гг. Исследование выполнено на широком историко-литературном материале.

The article is devoted to the study of the phenomenon of the Russian Revolution of 1917 in the novel of the 1920s–1930s through the analysis of a constant element – the description and interpretation of the words of “The Internationale”, the anthem of Soviet Russia in 1918–1943. The study was performed on a wide historical-literary material.

Ключевые слова: революция, роман, «Интернационал», новый быт, песня, классовость.

Keywords: revolution, novel, “The Internationale”, the new mode of life, song, class essence.

В исследованиях феномена революции 1917 г. значимое место занимает русская литература первых двух советских десятилетий. В воистину энциклопедической памяти поэзии, прозы и драматургии хранится и тема нового гимна страны, сменившей свое историческое имя. «Теперь у нас нет национального гимна. Пусть же революционный “Интернационал” будет нашим национальным гимном» [1, с. 176], – так аттестовал эту ситуацию в 1918 г. М.Н. Покровский, заместитель наркома просвещения, главный историк советской России, основатель знаменитой Комакадемии.

Песенники с революционными песнями активно начали издаваться в России после революции 1905 г. Под заглавиями «Песни борьбы», «Песни борьбы и труда», «Песни революции» крохотными тиражами выходили тоненькие брошюры, которые неизменно открывал гимн Коммунистического Интернационала (перевод на русский язык текста французского «Интернационала» был осуществлен в 1902 г., переводчик – А.Я. Коц). Ситуация с изданием ре-

Е.А. Костин

Международная Балтийская академия (Литва)

ФЕНОМЕН ГУМАНИСТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: УСИЛИЯ И МЕСТО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1918–1940)

Целью работы является осмысление взаимодействия между гуманистическими ценностями, выработанными в русской культуре XIX в., и попытками советского государства создать «новый» гуманизм пролетарского толка. В статье речь идет о приложении данной идеологии к русской культуре и литературе после 1917 г. Основным методом работы является сравнительно-исторический анализ с элементами общекультурного просмотра доминирующих тенденций развития русской культуры XIX и XX вв. Автор также уделяет внимание проблеме отсутствия периода Ренессанса в русской культуре и, как следствие, анализирует неразвитость индивидуализма в России как основы классической формы гуманизма. Выводы, к которым приходит автор публикации в результате проведенного анализа, позволяют утверждать, что, во-первых, теоретическая база «нового» гуманизма оказалась логически ущербной и не могла быть сформулирована непротиворечивым образом, во-вторых, реальное развитие культуры, в частности литературы, в первые годы после революции 1917 г. привело к ситуации своеобразной «гуманистической прострации», когда многие художники оказывались лишены гуманистических ориентиров и в их творчестве брал вверх *антигуманный* подход к изображению человека и его страданий в перипетиях революции и Гражданской войны. Выдающиеся писатели советской эпохи преодолевали данную идеологическую тенденцию, проводимую властью, опираясь во многом на достижения гуманизма русской культуры классического периода. Эти две тенденции – официально-идеологическая и наследующая достижениям гуманизма прошлых эпох – и составляют главное содержание сложного процесса утверждения гуманистических ценностей в русской культуре после 1917 г.

The aim of the research is the understanding of the interaction between the humanistic values, elaborated in Russian culture of 19th century and the Soviet State attempts to create a “new” proletarian humanism. In the article author made an attempt of analysis the application of this ideologies in Russian culture and literature after 1917. The main method of work is comparative-historical analysis with elements of cultural view of the main trends of the development of Russian culture of 19th and 20th centuries. The author also pays attention on the problem of lack of Renaissance in Russian culture and, as a consequence, lack of individualism as a basis of classical humanism. The findings, which the author of the publication comes as a result of the analysis, lets say that, firstly, the theoretical basis of a “new humanism” turned out to be logically flawed and could not be formulated consistent manner, secondly, the actual development of the culture, particularly literature, in the first years

В.С. Христофоров

Институт российской истории РАН

ИЗГНАННИКИ РЕВОЛЮЦИИ О СОБЫТИЯХ В РОССИИ 1917 ГОДА

Статья посвящена теме высылки интеллигенции за границу после Октябрьской революции и основана на материалах Центрального архива ФСБ России. Эти документы стали базой для изучения феномена «философского парохода» и опубликованы в нескольких сборниках, а также в ряде статей в научных журналах. Летом 1922 г. ленинское правительство приняло решение о депортации за границу многих русских общественных деятелей, профессоров вузов, редакторов журналов, исследователей, публицистов. Политические оппоненты большевиков в августе 1922 г., в ходе так называемой большой операции по высылке, были арестованы и доставлены на Лубянку и Гороховую. Документы ЦА ФСБ России свидетельствуют о том, что во время допросов следователи прямо не спрашивали арестантов об их отношении к Октябрьской революции. Однако один из «типовых» вопросов требовал раскрыть «взгляды на структуру советской власти и на систему пролетарского государства». По сути, ответы арестованных выявляли их отношение к смене власти в октябре 1917 г. Архивные материалы органов безопасности позволяют расширить представление исследователей о событиях 1920-х годов в России.

The article is devoted to the topic of intellectuals' deportation after the October revolution. It's based on the Central Archives of the Security Service of the Russian Federation documents. These materials became the basis for the "philosophical ship" phenomenon analysis and they're published in several anthologies and some scientific articles. In summer 1922 Lenin's government decided to deport a number of Russian consumerist, professor, magazine editors, researchers, political essays writers. In August 1922 during so-called Big deportation operation bolsheviks' political opponents were arrested and brought to Lubyanka and Gorohovaya streets. The Central Archives of the Security Service of the Russian Federation documents indicate that during the interrogations the investigators didn't directly ask the prisoners about their attitude towards the October revolution. Although one of the "typical" questions demanded to open "the view on Soviet power structure and the proletarian state system". Indeed the prisoners' answers showed their attitude towards the authority change in October 1917. The Central Archives of the Security Service of the Russian Federation archival documents give the opportunity to widen the researchers' conception about the events of 1920s in Russia.

Ключевые слова: Октябрьская революция, «философский пароход», высылка, интеллигенция, следователь, допрос, архивные материалы.

Keywords: the October revolution, "philosophical ship", deportation, intellectuals, the investigator, the interrogation, archival documents.

А.Г. Гачева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

«СИНТЕЗИРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ»:

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕВРАЗИЙСТВЕ 1920–1930-х ГОДОВ*

Цель статьи – показать эволюцию евразийской идеологии на примере трактовки образа революции. Используя исторический и сравнительный, индуктивный и дедуктивный методы, автор приходит к следующим выводам. Отношение к русской революции у евразийцев не было статичным. На протяжении двадцатилетней истории движения оно менялось, и линии изменения совпадали с линиями эволюции евразийской доктрины. На начальном этапе движения евразийцы видели в революции стихийный бунт народа против европеизации, в большевизме – наиболее агрессивное проявление западничества и настаивали на разрыве с западной культурой, отрицая ее право на доминирование. В эпоху кламарского раскола левые евразийцы подчеркивали мессианский, организационный пафос революционного действия и стремились расширить базис революционной идеологии на путях синтеза марксизма и «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова. Правые евразийцы оппонировали им, однако в дальнейшем некоторые из них (К.А. Чхеидзе) приняли идею восполнения марксизма идеями активного христианства. В 1930-е годы в евразийстве утверждается пафос вселенскости и формулируется концепция идеократического интернационала.

This article is aimed at showing the evolution of the Eurasian ideology on the basis of the interpretation of the image of the Revolution. By using historical and comparative, inductive and deductive methods, the author comes to the following conclusions. Eurasians' attitude to the Russian revolution was not static. Over the twenty years of history of the movement it was changing and the lines of change coincided with the lines of the evolution of the Eurasian doctrine. At the beginning Eurasians perceived revolution as a spontaneous against the Europeanization of Bolshevism – the most aggressive manifestation of Westernism and insisted on breaking with Western culture, denying its right to dominance. In the era of Klamar left-wing Eurasians emphasized the messianic, revolutionary side of organizational action and sought to broaden the revolutionary ideological basis by synthesizing Marxism and "Philosophy of the common cause" of N.F. Fedorov. Right-wing Eurasians opposed them, but later some of them (K.A. Chkhaidze) accepted the idea of enriching Marxism with the ideas of active Christianity. In 1930s. Eurasianistic movement was united under the spirit of universality and its members formulated the concept of the ideocratic International.

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

Н.А. Николина

Московский педагогический государственный университет

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ 1917–1922 гг.)

В статье рассматриваются активные процессы в языке революционной эпохи и их отражение в русской художественной прозе 1917–1922 гг. Особое внимание уделено таким явлениям, как активизация компрессивного словообразования, интенсивное использование новых слов-идеологем, включение в текст рефлексивов разных типов, поясняющих или оценивающих новые лексические единицы. Показана связь рассматриваемых языковых средств с мотивной структурой художественных текстов этого периода, прежде всего с мотивами непонимания, насилия, гибели. Делается вывод, что отражение активных языковых процессов в прозе 20-х годов XX в. связано с использованием ряда стилистических приемов и служит основой создания художественных образов, следовательно, не носит характера механического воспроизведения особенностей языка эпохи.

The article deals with active processes in the language of the revolutionary period and their reflection in the Russian prose of 1917–1922. Special attention is paid to such phenomena as the activation of compressive word-formation, intensive using of new words-ideologies, the inclusion different types of reflexives explaining or evaluating new lexical units into the text. The connection of these linguistic means with the motivic structure of literary texts of this period, primarily with the motives of misunderstanding, violence, death is shown. It is concluded that the linguistic reflection of active processes in the prose of the 20s of XX century is connected with the use of a number of stylistic devices and serves as a basis for the creation of artistic images, therefore, this is not a mechanical reproduction of the language features of this time.

Ключевые слова: активный языковой процесс, аббревиация, неологизм, идеологема, оценочные средства, рефлексив, мотив.

Keywords: active linguistic process, abbreviation, neologism, ideologeme, evaluative devices, reflexive, motive.

«Социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества – все это оставило глубокий след на русском языке... – писал в 1923 г. один из первых исследователей языка революцион-

Г.Н. Воронцова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

1917 ГОД В ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ А.Н. ТОЛСТОГО

В статье анализируются сохранившиеся дневники и письма А.Н. Толстого, в которых отражены революционные события 1917 г. в России и отношение к ним писателя. Особое внимание уделяется непосредственным переключениям этих документов с художественными произведениями Толстого, в частности с «Рассказом проезжего человека» и рассказом «Простая душа» («Катя»), повестью «Милосердия!», романом «Хождение по мукам» (1919–1921). И дневники и письма позволяют говорить не только о мировосприятии писателя в кризисный период русской истории, но и о рождении в его творчестве художественного образа эпохи.

In article the remained A.N. Tolstoy's diaries and letters in which revolutionary events of 1917 in Russia and the writer's attitude towards them are reflected are analyzed. The special attention is paid to direct musters of these documents with works of art of Tolstoy, in particular with stories "The story of the passable person" and "Simple Soul" ("Katya"), the story "Mercies!", the novel "Purgatory" (1919–1921). Both diaries and letters allow to speak not only about attitude of the writer during the crisis period of the Russian history, but also about the birth in his creativity of an artistic image of an era.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, дневники, письма, революция в России, художественные произведения.

Keywords: A.N. Tolstoy, diaries, letters, revolution in Russia, works of art.

Тема русской революции практически сразу вошла в художественное творчество Алексея Николаевича Толстого, писателя, принадлежавшего к тем кругам русской интеллигенции, которые, восторженно встретив Февраль, в дальнейшем оказались в эмиграции.

Уже в начале осени 1917 г. он публикует свой по сути программный «Рассказ проезжего человека», где главный герой, приехавший с фронта штабс-капитан, воспринимает воцарившуюся в стране анархию как неизбежность, обусловленную глубокими внутренними закономерностями исторического развития. Он убежден, что в муках рождается новая Россия, что «через муки, унижения и грех <...> каким-то несуразным, неуютным образом <...> облекается в плоть простая, ясная, божеская справедливость» [1, с. 15].

Л.Н. Анпилова

Филиал НИТУ «МИСиС»

МЕЖДУ ВЕЧНОСТЬЮ И БРЕННОСТЬЮ:

ОБРАЗ МАТЕРИ В РАССКАЗАХ О РЕВОЛЮЦИИ

В статье исследуется семантика образа матери в произведениях Вс. Иванова и И. Бабеля 1920-х годов. Мотивный анализ рассказов о Гражданской войне показывает, что образы матерей немногочисленны, их роль в развитии сюжета ничтожна. Матери не оказывают существенного влияния на жизнь своих детей, их главная роль – роль плакальщицы. В рассказах о революции архетип матери заслонен другим, во многом противоположным архетипом, свойственным русской культуре, – архетипом «бабы». Женщины чаще выступают как объект сексуального желания, иррационального, звериного. Рассказы начала 1920-х годов подтверждают выводы Горького о том, что революция спровоцировала выброс «зоологических» инстинктов, когда в борьбе за воплощение политических идей оказываются попораны идеи нравственные. Делается вывод о том, что образы женщин, матерей способствуют осмыслению самых страшных, неприглядных сторон братоубийственной Гражданской войны.

In this article image of mother in Vs. Ivanov's and I. Babel's pieces of work of 1920s is analysed. Analyse of stories about Civil War demonstrates that images of mothers are not numerous and their role in plot development is miserable. Mothers don't have any influence on their children's lives, but their main role is to lament their sons. In the stories about revolution archetype of mother is mostly replaced by quite an opposite one, typical for Russian culture, – archetype of “baba” (not very intelligent woman who doesn't have any rights and doesn't deserve any respect). Women are often shown as an object of sexual desire, irrational and wild. The stories of the beginning of 20s years confirm M. Gorkiy's conclusion that revolution provoked a boost of “zoological” instincts, when moral ideas were found to be desecrated in a fight for political ones. The main conclusion, which is being made in the article, says that images of women and mothers help comprehend the most frightening and unattractive sides of Civil War.

Ключевые слова: рассказы о революции и Гражданской войне, Вс. Иванов «Тайное тайных», И. Бабель «Конармия», образ матери, архетип «бабы».

Keywords: stories about revolution and Civil War, Vs. Ivanov's “Secret of Secrets”, I. Babel's “Konarmiya”, image of mother, archetype of “baba”.

Образ матери – один из центральных образов мирового искусства – в русской культуре представлен особенно мощно и полновесно. Мать – сыра зем-